

В.А. СЕМЕУСОВ

*зав. кафедрой предпринимательского права,
доктор юридических наук, профессор*

О ПРАКТИКЕ КАК КРИТЕРИИ ИСТИНЫ В ПРАВОВЕДЕНИИ

На состоявшемся 30 ноября 2004 г. Всероссийском съезде судей обсуждалась проблема гарантий их независимости. Было отмечено, что проблема эта старая, но до сих пор злободневная. Председатель Высшего арбитражного суда РФ В.Ф. Яковлев, например, заявил: «Мы ощущаем криминальную атаку не только со стороны бизнеса, но и со стороны власти, которая срослась с бизнесом», — этой фразой глава арбитража сорвал аплодисменты судей, которые тем самым подтвердили, что дело обстоит именно таким образом¹. Между тем председатель Конституционного суда Российской Федерации В.В. Зорькин счел своим долгом известить присутствующих на совещании судей, что «наше государство зависит от олигархических группировок, которые используют его в корыстных интересах». «Отчасти это до сих пор так, — с нажимом произнес Путин, глядя в притихший зал, — мы боремся и должны будем бороться, сделаем все, что от нас зависит, вместе с судебной системой»². Итак, тезис, что «сама власть зависит от олигархических групп», нашел подтверждение у Президента Российской Федерации.

В обращении Президента России Владимира Путина к гражданам страны сказано: «Мы позволили коррупции поразить судебную и правоохранительную сферы»³. В статье «Пчелы против меда» обозреватель Семен Новопрудский утверждает: «Только в России мог появиться анекдот про арбитражный суд, когда одна фирма дает судье взятку в 200 тысяч долларов, другая — в 220 тысяч, судья возвращает второй фирме 20 тысяч и гордо говорит: “Я буду судить честно!”»⁴.

Поскольку судьи не являются типичными героями русских анекдотов, то сразу можно заподозрить иностранное происхождение данного анекдота. Так оно и оказалось. Приведем его в том виде, в каком он вошел в сборник лучших американских анекдотов, опубликованный в Миннеаполисе в 2001 г.: «Судья перед началом заседания говорит адвокатам противоборствующих сторон: “Господа! Вы оба

дали мне взятки. Вы, господин Леон, дали мне 15 тысяч долларов. А вы, господин Кампос, 10 тысяч”. Судья порылся в карманах, достал чек на 5 тысяч, вручил его господину Леону и сказал: “Ну все, теперь можно судить по закону!”» Многим кажется, что Россия во всех отношениях уникальная страна — как в достижениях, так и в том, что никак не может быть предметом гордости. То ли к счастью, то ли к сожалению, но мы далеко не уникальны.

В России последних лет происходило разрушение не только правоохранительных органов и судебной системы, но и самого правосознания. Так, сейчас появилась «кабинетная законность»: судьба того или иного предприятия решается в высоких чиновничьих кабинетах, а в судебном кабинете случается, что по одному и тому же предмету экономического спора один судья может вынести одно решение, другой — прямо противоположное, происходит раздвоение личности и разума.

Нельзя не согласиться с критикой разъяснений высших судебных инстанций, страдающих алогичностью и пытающихся объяснить необъяснимое, а именно: отчего, например, в одних случаях цена в договоре купли-продажи признается его существенным условием, в других — нет. А между тем все договоры купли-продажи опосредуют один и тот же экономический процесс обмена товара на деньги.

Проталкивается идея приоритета полезности, целесообразности. Логика такова: если при решении хозяйственного конфликта игнорируется закон как устаревший по некоторым коммерческим соображениям, то это будет полезней, целесообразней для компании, фирмы, корпорации. Однако правосудие должно опираться только на закон. Оно руководствуется лишь вопросом, почему (но не зачем) это случилось.

Общепризнанно, что отрицательный результат — тоже результат. Как отрицательный, так и положительный результат применения закона в хозяйственной и судебной практике с научно-исследовательской точки зрения важен и полезен. Но разве может опыт коррумпиро-

ванной судебной практики служить объективным доказательством того, что изложенные в законе идеи правильные или неправильные? Как в такой ситуации можно утверждать, что судебная практика есть критерий истины? Представляется, что постановка таких вопросов оправдана сегодня. И не только сегодня.

Известны труды русского ученого-правоведа Т.М. Яблочкова, который неоднократно выступал противником подчинения юриспруденции сложившимся стереотипам судебной практики. Он отстаивал право ученого на ведение научного спора по любому животрепещущему вопросу, невзирая на то что судебная практика твердо определила по нему позицию. Т.М. Яблочков отмечал, что высокими судебными сановниками подчас возводятся на пьедестал не запросы жизни, не требования справедливости, а чисто чиновничий шаблон, бездушный формализм. Подчинение научной мысли подобным шаблонам, утверждал ученый, «есть могила всякому профессору, а следовательно, и науке права»⁵. Прав был, на наш взгляд, русский правовед.

Действительно, теория должна брать явление шире, смотреть глубже, видеть то, что «дьяволом скрыто». Иными словами, теоретический уровень и практическая значимость научных правовых разработок определяются возможностью прогнозирования. Это означает, что, будучи продуктом юридического мышления, выводы и рекомендации правоведов опережают практику. Речь идет о переосмыслении существующих в данное время практических взглядов, представлений. Для этого, помимо всего прочего, нужно избегать узконормативной трактовки права, т.е. простой регистрации фактов и применения всего лишь различных способов толкования текстов правовых актов. Именно глубокий научный анализ практики применения законодательства, например действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства, показал необходимость изменить и обновить это законодательство, чтобы оно было более реалистичным и отвечающим нуждам практики борьбы с преступностью⁶.

Порой к числу критических относят замечание о том, что в тексте диссертационного исследования не излагается содержание конкретных нормативных актов. Замечают, к примеру, что нет ссылок на инструкцию по судебному делопроизводству в российском суде, утвержденную приказом генерального директора судебного департамента при Верховном

суде Российской Федерации. Или, например, сетуют по поводу того, что постановлением Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору 4 октября 2004 г. утверждены правила безопасности при обращении с радиоактивными отходами атомных станций, но об этом ничего не сказано в диссертации. Однако разве не ясно, что изложение текстов даже не законов, а производных от них нормативных актов препятствует теоретическому углублению юридической науки. В самом деле, возможно сползание с вершины научных обобщений и абстракций, идей и гипотез к элементарному комментарию отдельных правовых актов под грифом «практический комментарий для служебного пользования». Это одно соображение.

Далее. Конечно, положим, должно быть изучено законодательство о всех видах договоров купли-продажи в трактовке ГК РФ (а это по объему такое законодательство, что автору впору вспомнить афоризм К. Прутков: «Нельзя объять необъятное»), чтобы составить системное представление о его структуре, критериях и принципах построения. Но если при этом будет выявлена необходимость кардинального изменения действующего законодательства о договоре поставки как одного из видов купли-продажи и намечены перспективы его совершения, то как в подтверждение этой теории сослаться на правовые акты, которые, по мнению автора теоретического исследования, должны быть отменены, и потому для него они не существуют, так как не «вписываются» в его концепцию? Наверное, с помощью концептуальных (методологических) средств можно установить истину. Позитивная, прогностическая, аналитическая функция науки осуществляется через критику. Критическая сторона, положим, диссертации по правоведению имеет и принципиальное методологическое значение, так как диалектика, как говорил К. Маркс, «ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критичная и революционная»⁷. Поэтому возможно, что интерпретация некоторых экономико-правовых и иных явлений существенно отличается, например, от традиционного учения о сделках, договорах.

Известен постулат: практика — критерий истины. Очевидно, он прежде всего касается практики хозяйствования, предпринимательства, коль скоро речь идет о науке гражданского хозяйственного права. Видимо, не подлежит сомнению, что совершенно необходи-

мо изучение хозяйственной практики, чтобы составить представление об эффективности действующего законодательства. Однако почти непреодолимые трудности испытывает ныне правоведа, пытающийся узнать, как, на каких правовых началах хозяйствует та или иная коммерческая организация, холдинг, корпорация, ибо многое для посторонних лиц скрыто под ширмой «коммерческой банковской тайны», нет обещанной «прозрачности». Разумеется, нужен комплексный экономико-правовой подход к решению вопросов, обусловленных потребностями хозяйственной практики. Но, следует заметить, не сегодняшней криминальной практикой предпринимательства, а цивилизованного хозяйствования. Ведь бытует мнение, что Россия — страна с разрушенной экономикой, где всем правит криминал или, что то же самое, коррумпированное чиновничество. Одним словом, необходим анализ опыта хозяйственной предпринимательской деятельности, дабы отделить в нем зерна от плевел, сопоставить с хозяйственным опытом других стран или Советского Союза, что весьма затруднительно в наше время.

Как часто в наши дни утверждается, что есть некие юристы-практики... Неужто есть? Впрочем, действительно, встречаются юристы, практикующие или специализирующиеся в правильном оформлении таможенных документов клиентов таможни.

Стало уже общим местом многих публикаций в прессе о существовании практикующих юристов, обслуживающих бизнес и (или) криминальный мир, что, однако, зачастую трудно различить. Такие юристы, как ныне принято говорить в российских СМИ, «поступают круто». Речь идет о том, что в психологии называется «эмоциональная холодность», а в нынешней России именуется «беспредел». Типичный случай. В последнее время клиенты, обращающиеся в адвокатскую контору, часто спрашивают, как им найти «крутого» адвоката. На вопрос, что они вкладывают в это понятие, они поясняют: это тот, у кого все «схвачено» в суде, милиции и прокуратуре и кто может «отмазать» от тюрьмы любого. «Крутизна» адвоката воспринимается как высшая степень профессионализма.

Многие подсудимые искренне убеждены, что состязательность сторон в процессе, аргументы защиты и обвинения, ходатайства сторон — все это мишура для отвода глаз. А решение судья выносит в зависимости от того, сколько ему «занесет» адвокат⁸.

Как и раньше, ныне ценятся в определенном смысле знатоки различных инструкций. Например, знатоки инструкции о совершении таможенных операций при декларировании товаров в электронной форме. И это правоведа? Можно ли их так назвать, имея в виду узкий прагматичный, почти механический круг их знаний? Вряд ли, но это особый вопрос.

А сейчас о другом. Если существуют юристы-практики, то, значит, в противоположность им должны быть юристы-теоретики. Да, есть юристы-практики по определению. Это — юристы-консульты, к примеру. А есть «кабинетные» ученые, напрочь отвлеченные от практики, реальной жизни. Их отнюдь нельзя ставить в один ряд с учеными, обладающими феноменальным абстрактным мышлением, они видят «живую» действительность, будучи к ней сопричастны, через призму принципов и категорий права.

В XXI в. объективный и закономерный процесс значительного расширения сферы действия публичного права очевиден. Как правильно полагают современные правоведа, «отношения, выражающие публичные интересы, изначально должны быть признаны преобладающими над частными в том смысле, что они служат критерием для установления пределов реализации частных интересов, а тем самым и критерием их законности»⁹. Можно добавить, что противостояние, а также крайние, заведомо отрицательные, а потому ложные оценки соотношения публичного и частного права вредны для построения эффективно действующей правовой системы.

И смелостью, граничащей с безрассудством во времена буржуазного конформизма и в смутное время приспособленчества, должны обладать те ученые, которые утверждают идеал справедливого мира гармонии интересов общества, государства и частных интересов индивида. О таких ученых-правоведах, например, как В.В. Лаптев в России или В.К. Мамутов в Украине, можно сказать: это удивительные, воистину ученые мужи, мощные, как глыба, доказавшие, что наука — дело не мальчиков, но настоящих мужчин. Как кстати слова А.И. Герцена: «Частная жизнь, не знающая ничего за порогом своего дома, как бы она ни устроилась, бедна... Таким хрупким счастьем человек не может быть счастлив».

Увы, есть в России юристы, умеющие только рассуждать на отвлеченные темы, обсуждать проблемы по преимуществу абс-

трактные и обезличенные, а не решать практические задачи. Они занимаются поисками красивых юридических формулировок, ведут заумные речи, а на конкретные вопросы о законности, правомерности поступков или сделок отвечают крайне невразумительно. Все очень умно, красиво и, как ныне принято среди «демократов» говорить, корректно, но смущает то, что нарушается элементарное требование закона логики: вывод не соответствует посылкам. Число логических несуразниц велико, поэтому трудно дискутировать, трудно искать истину. Вспоминается изречение Конфуция: «Трудно искать черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет».

Многие преподаватели предпочитают выполнять заказы фирм по оказанию юридических услуг, нежели уделять достаточное внимание образовательному процессу. И порой их трудно в этом упрекнуть, если речь идет, как теперь модно говорить, о выживании. Но все-таки преподавателю важно помнить о своей миссии, его предназначение определено еще великим русским поэтом Н.А. Некрасовым: «Сейте разумное, доброе, вечное...» Поступать вопреки этому — недопустимо, безнравственно. Миссия учителя права несет обществу неоценимую пользу, ибо он выводит своих питомцев, способных писать мудрые законы и правильно их применять, на путь, который может изменить мир к лучшему. Преподавание права сопряжено с громадными затратами времени на познание сего предмета и изложение его в доступной для понимания, великолепной форме. Подлинная лекция или семинар синтезируют знание теории права, закона и практики его применения. Именно поэтому настоящий преподаватель права — профессионал высокого класса.

Как справедливо замечено, «"юридический профессионализм" не терпит односторонности: мыслящий юрист — это всегда

теоретик и практик одновременно»¹⁰. Опыт профессиональных юристов бесценен в новых экономических условиях. Профессиональный опыт — это, по сути, многопрофильный университет, который позволяет системно анализировать возникающие проблемы и находить оптимальные варианты правовых методов и способов их решения. Каждый воистину профессиональный юрист, т.е. высококлассный специалист, несомненно, талантливый человек. Или человек, которого поцеловал Бог. Может ли он в определенные суждения об экономике и праве, нравственности и морали не привносить никакой политической или личной эмоциональной окраски? Ответ, чего лукавить, не вызывает сомнений. Например, о кулинарии можно писать без политики. И кулинар может глубоко не интересоваться политикой. А вот профессиональный юрист не может не быть политиком. При этом необходимо сказать: у него есть рациональный научный взгляд на явление.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Известия. 2004. 2 дек.

² Российская газета. 2004. 2 дек.

³ Известия. 2004. 7 сент.

⁴ Там же. 2004. 14 янв.

⁵ Яблочков Т.М. Барон А.М. Нолькен. Сенатор. Устав гражданского судопроизводства. Практическое руководство // Вестник права. 1916. Вып. 2, № 28.

⁶ См., напр.: Ляхов В. Новые изменения УПК РФ отражают потребности практики // Российская юстиция. 2004. № 1. С. 17.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 22.

⁸ Ожбакова О. «Крутой» адвокат не может быть профессионалом // Известия. 2004. 5 марта.

⁹ Кошелев Д.А. Баланс публичных и частных интересов — ориентир реформирования правовой системы России // Правовая система России: актуальные проблемы совершенствования. Самара, 2003. С. 109.

¹⁰ Дудырев Ф. Подготовка судей в российских университетах XIX века // Российская юстиция. 2003. № 9. С. 77.

Ю.Г. ПЛЕСОВСКИХ

зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Хабаровской государственной академии экономики и права, кандидат юридических наук, доцент

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ: МЕТОДОЛОГИЯ, МЕТОДИКА, МЕТОД

Понятие «методология» в отличие от понятий «методика» и «метод» сегодня не имеет четких границ и однозначного смысла. Используя его, различные авторы вкладывают в

него далеко не равнозначный смысл. Однако наибольшее признание на сегодняшний день получило определение, приведенное в «Российском энциклопедическом словаре». В нем